

На своем пути на запад из товарных вагонов красноармейцы 28-й дивизии видели разрушенные города и поселки, искалеченную боевую технику, останки сожженных вагонов, горящие цистерны с горючим, убитых... Тяжело и больно было смотреть на все это и командирам, имевшим боевой опыт первой мировой и гражданской войн, и новобранцам, не «нюхавшим пороха». И чем ближе приближалась эшелоны дивизии к линии фронта, тем больше видели жертв и разрушений. Все понимали: враг предпринимает все от него зависящее, чтобы свежие силы не вступили в сражение. Бомбеки с воздуха железнодорожных составов становились по мере приближения к фронту все интенсивнее. Зенитчики ПВО заградительным огнем сдерживали «люфтваффе», но тем не менее противник наносил серьезный урон, бомбил эшелоны, в результате чего приходилось задерживаться, пока не уберут сожженные и искореженные вагоны с железнодорожного полотна и не восстановят стальные пути. В районе станции Бологое налеты вражеской авиации на эшелоны дивизии усилились. На станции Пено фашистские бомбардировщики атаковали эшелон 88-го полка.

Огонь зенитных орудий не позволил вражеским стервятникам достичь цели, точнобросить бомбы и уничтожить состав, но уже появились первые жертвы... На станции Андреаполь, где 88-й полк едва успел разгрузить эшелон. Снова полетела авиация, но подразделение полка успело скрыться в сосновом бору.

Невзирая на все трудности, 24 апреля 1942 года все подразделения дивизия расположились недалеко от Андреаполя и вступили в состав 3-й Ударной армии под командованием генерал-лейтенанта К. Н. Галицкого. Калининским фронтом, в который входила 3-я Ударная, командовал генерал армии М. А. Пуркаев.

Командующий Калининским фронтом, генерал армии
М. А. Пуркаев

Командующий 3-й Ударной армией, генерал-лейтенант
К. Н. Галицкий

Перед 28-й дивизией была поставлена задача: расположиться во втором эшелоне обороны армии, укрепляя этот рубеж на случай контрударов врага. В конце апреля и первую половину мая все подразделения дивизии продолжали совершенствовать боевую вынужку, получали новые боеприпасы и вооружение. В минометный дивизион наконец-то поступили долгожданные 120-миллиметровые минометы.

Весь личный состав дивизии, сооружая оборонительные позиции, осваивал инженерно-строительное дело по правильному возведению блиндажей, ходов сообщений, маскировке траншей, учился устанавливать проволочные и минные заграждения. Саперы вели разминирование освобожденной от врага территории. Все, от командиров дивизии до рядовых, решительно готовились к открытым сражениям с захватчиками...

В начале июня 1942 года 3-я Ударная армия совместно с 4-й Ударной продолжили наступление по всей линии фронта, и вышли на подступы к Великим Лукам, очистив от врага значительную часть территории Калининской области, сотни больших и малых населенных пунктов.

Но чем дальше продвигались наши войска, тем упорнее было сопротивление врага, создавшего эшелонированную оборону в Великих Луках и в окрестностях города.

СТУПИНСКИЙ БАСТИОН

28-я стрелковая дивизия под командованием Г. И. Шерстнева до конца июля находилась во втором эшелоне, хотя все бойцы и командиры рвались на передовую, чтобы вступить в схватку с ненавистным врагом. И такой приказ командованием армии был отдан в конце июля: сменить 24-ю Железную стрелковую дивизию, имевшую большие потери в боях и перебрасываемую после пополнения под Сталинград, где решался коренной вопрос: «кто кого».

Но здесь следует отметить следующий факт: до вступления 28-й стрелковой дивизии в бои, с середины мая подразделения 31-й отдельной стрелковой курсантской бригады вели ожесточенные бои с 83-й немецкой пехотной дивизией в районе Поречье – Пасино. Особенно упорными они были за деревню Ступино и Ступинскую высоту. Об этом в сжатой форме изложено в книге ветерана Великой Отечественной войны М.Ф. Харитонова «Дороги памяти». В ней автор рассказал о боевом пути 31-й Невельской и 100-й отдельной стрелковых бригад, которые после освобождения Невеля объединились в 1-ю Брестскую Краснознаменную стрелковую дивизию.

В Центральном Архиве Министерства Обороны Михаил Федорович сумел разыскать малоизвестные материалы о боях подразделений 31-й отдельной стрелковой курсантской бригады в районе деревни Ступино и возле Ступинской высоты. Приведем один из них, красноречиво свидетельствующий о жестоком противостоянии воюющих сторон.

«На участке 63-го батальона фашисты шли ровными сомкнутыми рядами, и нервы у некоторых бойцов не выдержали и они стали отступать. Командир отделения сержант Алексей Головин

быстро подбежал к пулемету, открыл огонь по врагу и заставил фашистов залечь. Затем, повернувшись к бойцам, скомандовал: «Вперед, на врага!» Выскочив из укрытия, он повел своих бойцов в атаку. С криком «Ура!» поднялась вся рота. Фашисты дрогнули и повернули назад. Преследуя их, рота ворвалась в деревню Ступино и заняла ее. Так мужество и храбрость сержанта Головина помогли не только отразить атаку противника, но и отбить у него деревню».

В наградном материале напечатано:

«Головин Алексей Степанович, 1912 года. В действующей армии с мая 1942 года. Командир отделения 63-го отдельного лыжного батальона (3-я Ударная Армия Калининского фронта).

20.05.42 г. в районе деревни Ступино, участвуя в отражении атаки, уничтожил большое количество живой силы противника.

25 мая в бою у деревни Пасино гранатами уничтожил два вражеских дзота, чем содействовал продвижению батальона.

23.06.42 г. в составе разведгруппы, действуя в тылу противника, захватил важные документы.

Звание Героя Советского Союза присвоено 30.01.43 г.».

Однако в дальнейшем не удалось удержаться на своих позициях и тем более закрепиться на Ступинской высоте, хотя такие попытки и предпринимались и на непродолжительное время ее даже удавалось взять, но превосходящие силы врага затем снова отбивали стратегически важную высоту.

31 августа 31-я отдельная стрелковая курсантская бригада, обескровленная в боях, сдав оборону непосредственно у Великих Лук другим частям, была передислоцирована во второй эшелон армии.

В треугольник Великие Луки – Невель – Новосокольники с середины лета гитлеровское командование начало активно стягивать живую силу и технику. Одновременно немцы усиленными темпами продолжали возводить оборонительные сооружения и минировать подходы к ним. В районе Великих Лук они сосредоточили части 83-й пехотной дивизии, а южный участок – Ступи-

но – Мартыново – Поречье обороняли два отдельных батальона и туда же стягивались части 291-й пехотной дивизии.

В последних числах июля 28-я стрелковая дивизия заняла линию обороны первого эшелона на рубеже Ступино-Курьяко-

На снимке: командование, военнослужащие политического и оперативного отделов 28-й стрелковой дивизии (лето 1942 года). В первом ряду слева направо: работники политотдела и оперативного отдела (в центре – председатель военного трибунала дивизии А.Д. Рубцов);

Во втором ряду слева направо: М. А. Стрекаловский, секретарь парткомиссии политотдела; Злобин, старший батальонный комиссар; Г. И. Шерстнев, полковник, командир дивизии; М. Ф. Губанов, батальонный комиссар, начальник политотдела; Осовик, батальонный комиссар, начальник особого отдела (позднее этот отдел назывался «СМЕРШ» – смерть шпионам и диверсантам); А. В. Якушев, начальник штаба дивизии.

В третьем ряду: политработники политотдела. (Крайний справа – А. Ф. Ракин).

В четвертом ряду: работники редакции и типографии дивизионной газеты «Вперед» и политотдела дивизии.

во–Поречье (примерно там же, где до них билась с врагом 31-я отдельная стрелковая курсантская бригада).

Здесь, в двух десятках километров от Великих Лук, приняли в конце августа свое первое боевое крещение воины дивизии.

Крупный и очень сильно укрепленный узел сопротивления противника в районе господствующей Ступинской высоты и находящимися вокруг населенными пунктами и некоторыми другими высотами на Калининском фронте (да и сами гитлеровцы) так и называли «**СТУПИНСКИЙ БАСТИОН**». Он прикрывал железную и шоссейные дороги, идущие на Великие Луки, Невель и Велиж. В системе его обороны было три километра траншей и ходов сообщения, которые связывали Ступинскую высоту с другими ближайшими высотами. Кольцевые траншеи располагались в три яруса с пулеметными гнездами, хорошо оборудованными площадками для противотанковых орудий. Множество дзотов, блиндажей, перед которыми были проложены ряды из колючей проволоки и минных полей, красноречиво свидетельствовали об одном: враг здесь окопался всерьез и надолго. Такой мощный бастион позволял фашистам просматривать в глубину нашу оборону и вести прицельный огонь по ее позициям на данном участке фронта. В общем, Ступинский бастион составлял ядро всей обороны противника на данном участке фронта.

Командование дивизии разработало следующий план операции: 144-й стрелковый полк наносит южнее Ступинской высоты удар с целью отвлечения части сил врага от 88-го стрелкового полка, перед которым была поставлена самая сложная задача – овладение высотой.

23 августа дивизия вступила в бой. После короткой артиллерийской подготовки стрелковые роты 144-го полка совершенно неожиданно для врага ворвались в их траншеи и завязали ближний бой. В течение дня полк занял небольшие высотки, но выше продвигаться не смог из-за прицельного и шквального огня противника. Командир полка майор Н. И. Егоров отдал приказ командиру резервной роты капитану Н. И. Галиеву для усиления и поддержки наступающих выделить роту автоматчиков. Ее возгла-

вил политрук Н. С. Степура, который в одной из атак пал смертью героя. Его боевые товарищи поклялись отомстить гитлеровцам за своего отважного комиссара...

И почти в это же время стрелковые батальоны 88-го стрелкового полка со своих исходных позиций прорвались в населенные пункты Печкино и Пасино и выбили из них противника. Однако дальше продвигаться и взять Ступинскую высоту нашим бойцам не удалось.

О том, как проходил этот бой, рассказало его участником – автоматчиком Г. С. Осташевым в книге И. Межина «Память в запас не уходит».

«Рота автоматчиков полка, прибывшая на подкрепление, заняла исходные позиции для атаки в низине, в траншеях бывшей линии вражеской обороны. Как ни старались фашисты выбить нас из окопов, ничего у них не получалось. Тогда они решили затопить нас, пустив воду из близлежащего озера.

...Вода все прибывала. Чуть поднимешься – получишь снайперскую пулю. Пуще всего мы берегли от воды патроны, автоматы и гранаты.

С немецкой обороной нас разделяло 30-35 метров изрытой, искромсанной полосы. Орудия и минометы были по тылам – боялись накрыть своих. Все больше становилось убитых и раненых. Вода в траншее стала кровавой.

Двое суток мы находились под огнем противника. Фашисты то и дело забрасывали нас гранатами. Ночью небо озарялось ракетами. Удоброго момента для атаки не появлялось, а мы хотели ударить наверняка.

И вот в шесть утра по цепи команда: «Через две минуты атаковать по сигналу ракеты!»

С каким нетерпением все ждали этого сигнала! Накипевшая ярость, казалось, уже не вмешалась в наших сердцах.

...Ракета с шипением пронеслась над землей. На головы фашистов полетели сотни гранат. Парторг роты Сергей Зиновьев поднялся на бруствере во весь свой богатырский рост:

– Братцы, за Родину! Вперед!

Это были последние слова отважного воина – пулеметная очередь прошила его грудь.

В это мгновение мы перескошли отделявшую нас от фашистов полоску земли. Страшен был бой. Буквально на плечах врага ворвались мы в Печкино и Пасино. Деревень, в сущности, уже не было: одни головешки.

Для фашистов это был серьезный урон. Несколько суток они бомбили нас, применяя всю силу оружия, кидались в атаки. Мы выстояли. Потерянный рубеж враг не смог вернуть.

Был дан приказ прекратить дальнейшее наступление из-за понесенных потерь. Первый наш бой закончился».

Августовский бой стал боевым крещением дивизии, но он стоил больших жертв и послужил уроком для всех подразделений.

Своими воспоминаниями о первом бое на Ступинском бастионе в свое время рассказала командир санитарной роты 88-го стрелкового полка Г. Е. Россова.

«Хорошо помню первый бой. Когда наши батальоны уходили на исходные позиции, мы в лесу провожали их. Бойцы говорили на прощание: «Сестрички, помогайте завтра нам». Ждали, когда пойдут раненые, но их долго не было. И вот стали появляться первые...

Из нас никто не видел такие страшные раны. Руки дрожали. Мы сами еще боялись. От запаха крови кружилась голова. Но постепенно привыкли и к крови, и к стонам, и крикам...»

Опыт первого боя был обобщен во всех подразделениях, все командиры готовили личный состав к решительному наступлению за освобождение Великолукской земли от немецко-фашистских оккупантов.

На достигнутом рубеже 28-я стрелковая дивизия около трех месяцев вели активные оборонительные бои, сдерживая контрудары гитлеровцев. Развернулось и так называемое «снайперское движение» с 201-й Латышской стрелковой дивизии, где было немало сверхметких стрелков. Оно начало распространяться по всему Калининскому фронту. Вскоре в соединении стали извест-

ны имена комсомольцев Ильи Загалова и Степана Машкова, жителей Кomi АССР. Каждый из них имел на своем счету несколько десятков уничтоженных гитлеровцев. Известным снайпером был и командир 2-й роты 144-го стрелкового полка капитан Владимир Александрович Овчинников родом из Ташкента.

В начале сентября Г. И. Шерстнев получил назначение в другую дивизию, а 28-ю принял полковник С. А. Князьков – офицер с большим боевым опытом. В первую мировую войну Сергей Алексеевич в звании – унтер-офицера, был пулеметчиком. В годы Гражданской войны воевал против Колчака, в финскую – был командиром 150-й стрелковой дивизией. В начале Великой Отечественной войны С. А. Князьков участвовал в битве под Москвой. 332-я стрелковая дивизия, которой он командовал, 7 ноября 1941 прошла торжественным маршем по Красной площади и после исторического парада сразу же отправилась на фронт в составе 4-й Ударной армии. За 25 дней дивизия с боями прошла 250

километров, и, освободив от захватчиков сотни населенных пунктов, вышла на рубеж Велиж – Сураж – Демидов.

В личном деле полковника С. А. Князькова отмечено, что он отличался незаурядной силой воли, был хорошим организатором, требовательным к себе и подчиненным, но в то же время являлся по-отцовски заботливым командиром.

Части дивизии продолжали создавать непреодолимую оборону, совершенствовали боевую выручку, занятия не прекращались ни днем, ни ночью, проводились в условиях, максимально приближенных к боевым.

С.А.Князьков

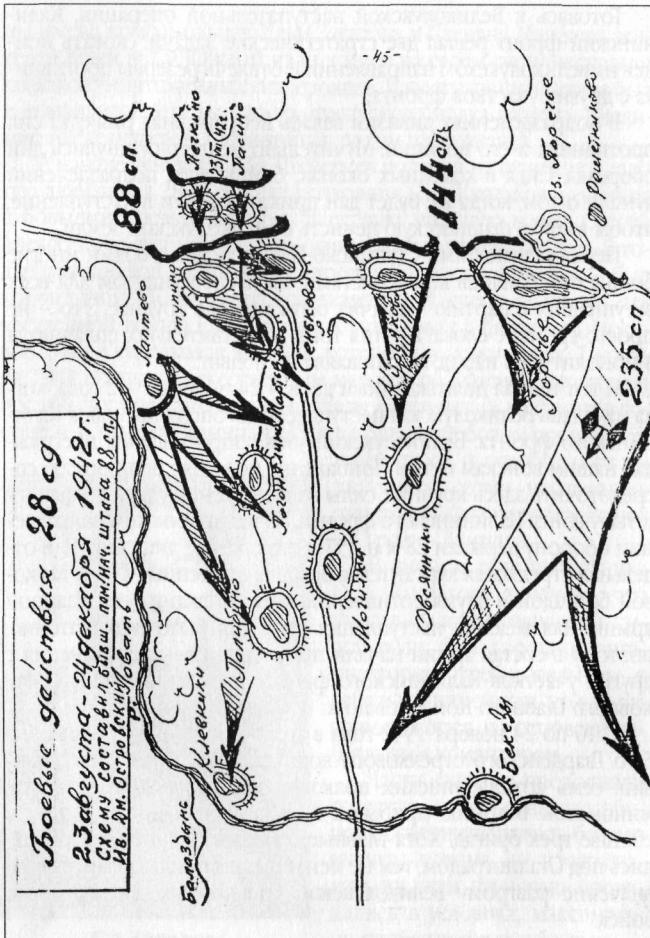
Готовясь к Великолукской наступательной операции, Калининский фронт решал две стратегические задачи: сковать немец на великолукском направлении и отвлечь резервы противника с других участков фронта.

В подразделениях дивизии велась непрерывная разведка сил противника и его позиций. Мучительно медленно тянулись дни обороны. Сидя в холодных окопах, бойцы всех подразделений думали о том, когда же будет дан приказ перейти в наступление, чтобы выбить фашистскую нечисть с великолукской земли.

Перед решающими Ступинско-Пореченскими боями многие бойцы становились коммунистами. Быть коммунистом для всех вступивших в партию – значит быть там, где труднее. Это – не просто громкие слова. Партия тогда, действительно, сплачивала в монолит весь народ, вдохновляла на подвиг...

И вот настал долгожданный день – 24 ноября 1942 года, когда началась Великолукская наступательная операция войск Калининского фронта. Великолукский узел сопротивления преграждал нашим войскам путь в Прибалтику, позволял неприятелю сосредоточить здесь крупные силы для нанесения удара по флангу и тылу войск Калининского фронта. На великолукском направлении оборону держали 28-я и 257-я стрелковые дивизии, 31-я отдельная стрелковая курсантская бригада, усиленные 184-й танковой бригадой и двумя артиллерийскими полками 3-й Ударной армии. Для ведения наступления этих сил было недостаточно, поэтому в состав армии начали прибывать новые соединения с других участков Калининского фронта и резервные силы Верховного Главного Командования.

С 10 по 24 ноября 1942 года в армию поступило управление 5-го Гвардейского стрелкового корпуса, пять стрелковых дивизий, семь артиллерийских полков, девять полков гвардейских минометов. В армию прибыл 2-й механизированный корпус в составе трех бригад. Хотя главные события в войне развертывались под Сталинградом, тем не менее Ставка придавала огромное значение разгрому великолукской группировке гитлеровских войск.

28-я стрелковая дивизия вступила в бой за опорные пункты гитлеровцев: Ступино, Мартыново, Сеньково, Куряково с тем, чтобы отвлечь значительные силы противника от Великих Лук.

Самая трудная задача – штурмом взять Ступинскую высоту и узел дорог, примыкавший к ней с южной стороны (этому укреплению немцы дали название «Скорпион») – выпала на долю 88-го стрелкового полка, который в 28-й дивизии считался одним из лучших. Затем полк должен был наступать в западном направлении, чтобы взять высоту, обозначенную на военных картах отметкой 178,3. Солдаты называли эту высоту, напоминающую двугорбый холм – Погонялинской (по названию рядом расположенной деревни).

Ступинская высота, как уже было отмечено выше, являлась настоящим бастионом с разветвленной сетью траншей, огневыми позициями противотанковых орудий, дзотами и блиндажами. На склонах высоты – почти сплошные минные поля и спирали колючей проволоки. С нее враг просматривал расположение наших войск на глубину до 8 километров.

Командиром полка являлся подполковник Иван Семенович Лихобабин, заместителем командира по политчасти – майор К. М. Бирюков.

Бывший начальник штаба 88-го стрелкового полка Василий Михайлович Звонцов, являющийся ныне народным художником России, так характеризовал Ивана Семеновича. «Если 88-й полк считался лучшим в дивизии, то это – прежде всего заслуга наше-

**И. Д. Островский,
помощник начальника
штаба 88-го
стрелкового полка**

И. С. Лихобабин, 1943 г.

без оглядки. Было просто стыдно и невозможно служить у него в части кое-как. А в разговоре между собой его с гордостью называли «наш батя» или «наш Суворов».

Задачу по штурму высоты перед командиром полкаставил комдив Сергей Александрович Князьков, сказав: «Взять высоту нехитро, но на подступах к ней можно положить целую дивизию, поэтому цель штурма – победить врага малой кровью».

Выполняя наказ командира дивизии, подполковник И. С. Лихобабин впервые решил применить метод так называемого «огневого вала», когда движение атакующей пехоты начиналось сразу же после начала артиллерийско-минометной стрельбы буквально перед штурмующими высоту красноармейцами.

За день до начала штурма высоты командир полка И. С. Лихобабин вместе с заместителем командира по политической части М. М. Абрамовым проверили подготовку всех подразделений к бою, беседовали с бойцами. Иван Семенович знакомил солдат с тактической обстановкой, стремясь доходчиво объяснить, что

го командира Лихобабина Ивана Семеновича, человека необыкновенного. В нем сочетались такие достоинства, как военный талант, находчивость и хладнокровие в боевой обстановке, требовательность и настойчивость вместе с отеческой заботой о солдате, житейская мудрость, простота и доступность, большое уважение и доверие к подчиненным, безупречность и скромность личного фронтового быта. Это позволило ему решать со своим полком самые трудные задачи. Бойцы его не просто любили, ему были преданы, в него верили, за них шли

победу надо одержать во что бы то ни стало с наименьшими потерями. «Сила наступающих в быстроте и решимости, – сказал он спокойным голосом. – Будем идти за огневым валом. Огонь в глубину перенесем в самый нужный, решающий момент.

По воспоминаниям Н. А. Зацепина, бывшего заместителя редактора дивизионной газеты «Вперед», один молодой солдат не выдержал и выпалил: «А свои снаряды, они ведь тоже убивают!». На это Лихобабин без раздражения, спокойно ответил: «Убить может и камень, случайно свалившийся с бруствера окопа. Для атакующих опасен не свой огонь, а пулеметы противника, их-то и надо подавать. А когда ворветесь в траншеи противника, вы в ней хозяева... Граната и штык откроют дорогу».

В ночь на 25 ноября полковые саперы под руководством старшего лейтенанта Некукаева проделали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Хмурым утром начался штурм Ступинской высоты. С началом стрельбы из артиллерийских орудий и минометов бойцы стремительно бросились в атаку за «огневым валом». Подниматься наверх было непросто: враг полил скаты водой и образовался ледяной панцирь. Но, очутившись и разгадав тактику нашей артиллерии, фашисты открыли огонь по штурмующим.

Точная работа артиллеристов 112-го полка и минометов 88-го стрелкового полка практически полностью разрушила стрелковые окопы фашистов. Орудия противотанкового дивизиона дивизии вели огонь прямой наводкой по дзотам и пулеметным гнездам гитлеровцев. Этого не ожидали фашисты и поэтому не сумели достаточно организованно подготовиться к отражению атаки бойцов из отдельной штрафной роты старшего лейтенанта А. П. Копылова.

Первыми во вражеские траншеи ворвалось отделение сержанта Николая Деркача из штрафной роты. Бойцы прокладывали себе дорогу в ходах сообщения и траншеях ручными гранатами и штыками. При штурме погибла почти вся рота...

А вслед за ротой штурмовали высоту и бойцы из батальона капитана Н. Зажигина, которые с не меньшей храбростью, чем

штрафники, бились с врагом. В траншеях и окопах доходило до рукопашных схваток. Шаг за шагом наши бойцы выбивали противника с высоты, но гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Бой продолжался до самой темноты. Каждая пядь земли завоевывалась кровью.

Когда почти наполовину Ступинская высота уже была взята, враг, подтянув свежие силы, попытался выбить наших бойцов с занятых позиций. Несколько часов небольшие группы бойцов отражали атаки противника, пока на помощь к ним по приказу командира полка не была брошена резервная рота автоматчиков бесстрашного офицера Петра Лутухина. В ней было много бойцов из коми АССР: Петр Поздеев, Федор Дуркин, Александр Чесноков, Григорий Осташев, Александр Юркин, Дмитрий Шишлов, Геннадий Самодуров, Яков Хозяинов. Но в целом рота являлась многонациональной.

Перед наступлением автоматчиков разбили на штурмовые группы по 7-8 бойцов. По-пластунски, сливаясь в масхалатах со снегом, они поползли вперед. В этот момент в воздухе взвились три ракеты – сигнал к атаке с северо-восточной стороны Ступинского бастиона. За политруком роты Иваном Чистилиным с криками «ура!» устремились автоматчики. В центре вперед вырвалась группа Григория Осташева, левее действовала группа Якова Малышева, а на правом фланге – Ивана Выучейского. Смельчаки ворвались в окопы противника, короткими очередями уничтожая врага и вытесняя его со своих оборонительных позиций. Отступая, фашисты сгруппировались на левом фланге, укрывшись в землянке, но через некоторое время были уничтожены или взяты в плен.

Благодаря решительным действиям штурмового батальона и роты автоматчиков наши метр за метром вытесняли врага. За тридцатичасовой бой полк частью своих сил полностью овладел Ступинским узлом обороны. Более двухсот вражеских трупов осталось в траншеях, ходах сообщения и блиндажах. Но и наши потери были велики. Так, военфельдшер 112-го артиллерийского полка М. И. Рудных, вспоминая бой за Ступинскую высоту, позд-

нее рассказывал: «Медсанчасть артполка была во время этого боя придана 88-му стрелковому полку. Бой был напряженный, об этом можно судить по числу раненых, поступающих на медпункт. Кроме ранений у некоторых были обморожены ноги, кожа на руках изодрана. Из разговоров с ранеными узнали, что скаты высоты противник полил водой, образовался ледяной панцирь. При атаке взбирались на высоту, цепляясь ногтями за лед».

Однако гитлеровцы не смирились с утратой ключевых позиций на господствующей высоте. Ночью враг перебросил на автомашинах из Невеля в деревню Полибино подразделения 20-й моторизованной дивизии, которые при поддержке артиллерии и авиации сразу же пошли в атаку. Противнику удалось потеснить нашу оборону, но вернуть Ступинский бастион он уже не смог...

…Утром, 26 ноября, тридцать пикирующих бомбардировщиков долго бомбили боевые порядки дивизии, особенно старательно обрабатывая Ступинскую высоту. При этом они использовали особый прием воздействия на психику: сначала бомбили нечетные самолеты (первый, третий, пятый и т.д.), а четные, соответственно, имитировали бомбежку, включая, сирены и открывая огонь с крупнокалиберных пулеметов. В следующей атаке все происходило наоборот: четные бомбили, а нечетные имитировали бомбежку с воем сирен и стрельбой из пулеметов.

Одновременно с налетом авиации фашисты вели массированный артиллерийский огонь по обороняющимся и обескровленным нашим подразделениям. В течение дня фашисты несколько раз бросали в контратаку до 300 – 400 солдат одновременно, но ответный огонь нашей артиллерии и минометных расчетов с применением оружия ближнего боя – винтовок и автоматов – вынуждал врага отступать. На поле боя оставались дешевки убитых гитлеровцев...

Командир минометной батареи И. Е. Воробьев и Н. В. Жузлов, находившиеся в боевых порядках на Ступинской высоте, своим точным огнем наносили серьезный урон контратакующему врагу.

Наши бойцы сражались с завидным упорством, бесстрашно и самоотверженно. Будучи ранеными, пехотинец А. А. Балуев и ми-

нометчик П. И. Кузнецов не покинули поле боя, отражая яростные атаки противника. Командир отделения связи 3-го дивизиона 112-го артиллерийского полка старший сержант Н. И. Калачиков по тяжести ранения руки мог быть направлен в медсанбат, но он отказался эвакуироваться и после удаления осколка из руки, мужественный воин остался в строю. И таких примеров было немало, когда наши солдаты, от рядовых до офицеров, проявляли геройизм и стойкость духа...

В это же время успешно действовали два других батальона, выступавшие правее, в обход Ступинской высоты. Второй батальон капитана Б. Д. Васильева сумел выйти на выгодные позиции, «оседлав» главную дорогу, ведущую к Ступинскому бастиону с запада, и отбивал атаки резервных частей противника, стремившихся во что бы то ни стало прийти на помощь Ступинскому гарнизону.

Третий батальон под командованием старшего лейтенанта М. В. Войтенко совершил глубокий обход справа и с тяжелыми боями прорвался в тыловую рубеж противника у высоты 178,3, которая расположена совсем близко от населенного пункта Поплибино. На него, можно с уверенностью утверждать, пришелся главный, самый жестокий удар противника, которому противостояли батальоны и другие подразделения 88-го полка.

О мужестве воинов батальона автор этой небольшой книги почерпнул из записок командарма К. Н. Галицкого «Годы суровых испытаний», воспоминаний заместителя начальника штаба 88-го стрелкового полка майора В. М. Звонцова и старшины пулеметного взвода С. Н. Герасимова, коллективного сборника «Бой ведет Невельская» и книги И. А. Межина «Память в запас не уходит». Сопоставив все факты, даем картину трагических боев на Погонялинской высоте...

...К вечеру 26 ноября несколько огневых точек, оказавшихся на пути наступления 3-го батальона, встретили атакующих шквальным оружейно-пулеметным огнем. Роты залегли в снегу. Особенно губительным был огонь крупнокалиберного пулемета из дзота, находившегося впереди наступающих примерно метрах в трехстах. Обойти огневые точки с тыла не было никакой возможности.

Командование полка решило уничтожить дзот под покровом ночи. Недостатка в добровольцах не было, хотя понятие «добровольцы» вроде бы и не свойственно нашей армии, где все подчинено приказу командира. Но в особых случаях, когда требовалось выполнить задание, сопряженное с большой опасностью для жизни, вызывались добровольцы, люди, вполне сознательно идущие навстречу опасности. Это больше гарантирует успех выполнения боевого задания. Но парторг полка капитан М. К. Шульмин среди всех изъявивших пойти на уничтожение дзота предпочтение отдал коммунистам рядовым Н. Игнатову и Г. Осташеву.

Командир полка подполковник И. С. Лихобабин и заместитель начальника штаба В. М. Звонцов по-отцовски встретили смельчаков и, напутствуя их, предупреждали быть очень осторожными и осмотрительными.

Бойцы начали готовиться к выполнению трудного задания: надели маскировочные халаты, взяли по две противотанковые гранаты и две «лимонки», ракетницу, автоматные диски, ножи и трофейные карманные фонарики. После придирчивого осмотра автоматчиков, командир роты Г. М. Пыжиков сказал: «Удачи вам! Только не лезьте прямо на амбразуру, постарайтесь дот обойти стороной».

Впоследствии Григорий Осташев с подробностями рассказал о том, как он с товарищем выполнял боевое задание.

«Передовая позади. Ночь пасмурная, темная, дует сильный ветер. Ползем по хрупкому снегу. Слух обострен до предела. Каждое неосторожное движение заставляет припадать к земле и замирать на месте. Раздается приглушенный вскрик Игнатова: его ранило шальной пулей. Дальше двигаться не может. А что делать мне? Возвращаться, не выполнив задания? Нет, это исключено. Ведь на нас надеются, нам верят. Значит, только вперед! Было, конечно, не по себе, жутко даже. Взметнется в небо вражеская ракета, опишет дугу, повиснет над головой, замрешь на месте и лежишь, как убитый, пока снова не наступит темнота. Потом отчаянно начинаешь работать руками и ногами. Так и добрался до дзота. Перед ним оказалось проволочное заграждение. К счас-

тью, разрывами наших снарядов оно всюду было порвано. Попался вправо от амбразуры и наткнулся на одиночный окоп. Спустился в него, отышался. При очередной вспышке ракеты увидел, что дзот рядом, метрах в десяти. Прислушался: со стороны дзота доносилась громкая немецкая речь. Взял противотанковую гранату: «Ну, Осташев, пришел твой час. Будь что будет!». Кинул гранату в проход – в дзот, за ней – другую. Подбежал к дзоту, выпустил в круговую полный диск из автомата и бросился в дзот. Ответных выстрелов не последовало. Как-то само собой сработало сознание: надо дать желтую ракету – сигнал нашим, что дзот взят. К дзоту с тыла приближались несколько фашистов. Я метнул в них гранату, и они отступили. Вскоре подоспели наши. Гриша, жив?! «Жив, – отвечаю. А сам еще не верю, что жив, остался и здание выполнил. Друзья обнимали, жали руки, целовали меня, поздравляли с успехом. А утром подсчитали трофеи. Только в дзоте и в проходе было найдено одиннадцать трупов. В числе трофеев оказались два пулемета, автоматы, легкий миномет, большое количество гранат и патронов, ультракоротковолновая радиостанция».

Так перестала существовать огневая точка противника, не позволявшая продвижению вперед стрелковым подразделениям полка. Мужественному воину командование полка предоставило пять дней отдыха.

О подвиге автомата Григория Савельевича Осташева вскоре написала дивизионная газета «Вперед». О нем заговорила вся 3-я Ударная армия. В дальнейшем Г. С. Осташеву был вручен орден Красной Звезды.

Командир полка И. С. Лихобабин в адрес матери Осташева – Екатерины Ивановны, написал письмо следующего содержания: «В боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками Ваш сын – красноармеец Г. С. Осташев – проявил стойкость, мужество и храбрость, за что он был награжден высокой правительственный наградой – орденом Красной Звезды. Мы гордимся Вашим сыном – пламенным патриотом, верным защитником Родины».

...Враг постоянно подбрасывал новые резервы и сумел на отдельных участках потеснить подразделения полка, но вернуть опорные пункты ему не удавалось.

Батальон капитана В. М. Войтенко, выполняя приказ – овладеть высотой 178,3, штурмовал мощно укрепленные холмы, неся большие потери. Эта высота растянулась метров на пятьсот и имела на флангах хорошо укрепленные стрелковые окопы, соединенные траншеей глубиной до двух метров, где располагались стрелковые и пулеметные гнезда. Но приказ есть приказ – взять высоту и отбросить врага за реку Ловать, лишив его важного опорного пункта.

Решительным броском, из последних сил рванулись красноармейцы на немецкие окопы. Не ожидавшие такого решительно-го штурма от вконец измотанного батальона, фашисты оставили высоту с большими потерями в живой силе. Погонянская высота была взята! Однако поступает новый приказ командования: «Не останавливаться, развивать успех. Своими силами помочь не можем!».

Накануне пулей навылет в щеку был ранен комбат. Погибли почти все командиры рот и взводов. За это время бойцы почти не знали ни сна, ни отдыха. В создавшихся условиях командование несколькими десятками воинов, многие из которых уже были ранены, принимает комиссар батальона капитан А. К. Шутов. Обсудив с командиром пулеметного взвода старшиной С. Н. Герасимовым положение, в котором они оказались, решили: замплит со своей группой будет продвигаться с левого фланга в сторону деревни Полибино, а старшина со своими бойцами – спра-ва, в сторону рощи. Расчет был такой: неожиданными фланговыми ударами им удастся отбросить немцев еще дальше.

Приближался вечер, быстро темнело, что было «на руку». Герасимову со своими бойцами удалось ползком по кустарнику до-браться до рощи. На ее опушке обнаружили пулеметное гнездо, а в глубине – окопы. Дальше двигаться было бессмысленно – пуле-мет перекосил бы всю группу. Двое смельчаков-добровольцев обра-тились к старшине – дать им возможность уничтожить пуле-

метное гнездо. Получили «добро». В сумерках они сумели незаметно добраться до пулеметчика. Короткий глухой вскрик и – путь свободен. Бойцы поднялись в атаку и выбили фашистов из окопов, а затем из рощи.

А группе Шутова не повезло. Поскольку почти не было времени на проведение разведки, двигались южнее рощи в сторону Полибино, рассчитывая под покровом темноты подойти к деревне незаметно. Но местность была открыта и немцы сумели обнаружить группу и, подпустив ее на близкую дистанцию, открыли по ней ураганный огонь. С потерями пришлось отступать, присоединяясь опять к бойцам Герасимова. В это время враг вновь занял Погонялинскую высоту.

Стояла ноябрьская ночь, на черном бархате неба колючим холодом зловеще мерцали звезды. «Возьмем высоту скрытно, в лоб», – предложил капитан. Все поддержали предложение. В три часа ночи 27 ноября, совершенно внезапно для противника, подобрались к пулеметному окопу на правом фланге Погонялинской высоты. Вероятно, противник считал батальон полностью уничтоженным и появления с тыла не ожидал. Его наблюдатели и пулеметы были направлены на восток и в сторону Ловати. Двигавшаяся впереди группа захвата почти бесшумно уничтожила пулеметчиков и наблюдателей. А дальше пошли в ход гранаты и штыки против отдыхавших в землянках гитлеровцев, которые были уничтожены за считанные минуты. Не теряя времени, бойцы бросились на другой, левый фланг, но фрицы, услышав взрывы, уже оставили свои окопы и трусливо отступили в сторону деревни. Погонялинская высота вновь была взята!

На рассвете в тыл отправили раненых с донесением: высота – в наших руках, ждем подкрепление и боеприпасы.

Всего на высоте оставалось 28 человек. На вооружении – два станковых пулемета и два немецких, и винтовки. Сразу же начали приводить в порядок окопы и ходы сообщения.

Бойцов разделили: капитан Шутов со своей группой занял оборону в окопе на правом фланге, на более трудном участке, где впереди был кустарник, и врагу было легче укрываться при на-

ступлении. Старшина взвода Герасимов со своими бойцами расположился в окопе на левом фланге. Все хорошо понимали, что враг с потерей высоты не смирится и через час-другой, как только рассветет, начнется штурм. Все поддержали слова своего комиссара, который произнес: «Держаться до последнего! Высоту не сдавать! Живым в плен не сдаваться. А с тылу нам многоного ждать не приходится».

Часов в десять утра пришли из тыла четыре человека, принесли патроны и еду. А вскоре начались контратаки врага. Волна за волной. Сотни озверевших гитлеровцев при поддержке артиллерии и минометов наступали то на один фланг, то на другой, или одновременно атакуя обе горстки бойцов. Таяли ряды защитников высоты. Под огнем противника к ним пробрался артиллерийский наблюдатель-корректировщик лейтенант В. Кузьмин. Как только с высоты замечали, что немцы скапливаются для очередной атаки, Кузьмин по связи сразу вызывает огонь нашей артиллерии, которая благодаря его корректировке здорово помогала «молотить» скопления вражеских подразделений.

Днем, часа в три, из тыла пробрались на позицию к Герасимову еще три бойца, но он отправил их к Шутову, где было очень тяжело. Красноармейцы вернулись очень скоро и передали приказ капитана: высоту, ни при каких обстоятельствах, не сдавать, помочь наверняка подойдет.

В очередной раз, после длительного артобстрела, гитлеровцы бросили в атаку сразу несколько рот на оба фланга. Герасимову со своими бойцами удалось отбить очередной штурм, а Шутов и оставшиеся с ним шесть человек этого уже не могли: все были тяжело ранены. Не прошло и получаса после этой вражеской атаки, как увидел Герасимов, что со стороны Шутова по ходу сообщения ползет солдат, дрожит весь, лицо в крови. Заикаясь, он сбивчиво рассказал, что немцы ворвались к ним в окоп, бойцы уже не могли держать в руках оружия от полученных ран и потери крови. Но капитан еще держал в руке пистолет и стрелял по врагам до последнего патрона. А потом упал. Фашисты в своей звериной ярости еще живого искоили комиссара штыками до

неузнаваемости, а затем с такой же нечеловеческой жестокостью расправились с тяжелоранеными. А солдату повезло: он находился в траншее невдалеке от окопа и его, раненого, фашисты не заметили...

Уничтожив правый фланг, немцы атаковали Герасимова, занявшего с бойцами круговую оборону, потому что они лезли со всех сторон. Две атаки удалось отбить, но кончились патронами. Из восьми оставшихся в живых, пятеро были ранены. В ногу получил ранение и старшина. К нему подполз раненый лейтенант Кузьмин и отчетливо все сознавая, произнес: «С тылу подмогу ждать нечего, и нас ожидает такая же участь, что и Шутова с его группой. Буду вызывать огонь на себя, все равно высоту отдавать нельзя!».

И вот уже летят по связи слова: «Я – Кузьмин! Я – Кузьмин! Вызываю огонь на себя! Ориентиры...». Еще и еще он выходит на связь, но вызов дошел не сразу. Дежурившая на батарее телефонистка Вия Шиловская, вспоминая те страшные события, рассказывала, что когда услышала эти слова, задрожала вся. Как это? Что случилось? Кто решил пожертвовать собой? И язык не поворачивался передать команду. Но пересилила себя, стала передавать команду, хотя сама от сотрясающих ее рывков не могла спокойно слова произнести...

И вот опять заработала наша артиллерия, но уже была не только по врагу, но и по своим. Один из снарядов разорвался рядом с лейтенантом В. Кузьминым и убил его наповал, а С. Герасимов получил второе осколочное ранение в плечо и, контуженный взрывной волной, потерял сознание. Когда он очнулся – кругом увидел трупы немцев и наших в белых халатах, ворвавшихся на высоту. Это был лыжный десант из резерва дивизии, который с ходу очистил высоту от гитлеровцев. Да, помочь подоспела, но, как это ни прискорбно, с запозданием. Бойцы подобрали в окопе троих тяжелораненых. Один скончался по дороге в медсанбат, другой умер в госпитале и только старшина С. Н. Герасимов чудом сумел выжить. Но 27 ноября 1942 года были последним днем его службы в 3-м батальоне 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии...

Все бойцы были посмертно награждены орденами и медалями Советского Союза, а капитан Шутов – орденом Красного Знамени. Как и 28 героев-панфиловцев не пропустили на своем участке врага к Москве, так и бойцы капитана А.К. Шутова отстояли важный рубеж – Погонялинскую высоту, сложив на ней свои головы. Отдав свои жизни за нашу Родину, они шагнули в бессмертие!..

Освобождение великолукского края успешно продолжалось. Героический подвиг совершила группа воинов из девяти человек под командованием старшего лейтенанта Н. Дурнакова, оборонившая захваченную у врага Курьяковскую высоту. Десять раз фашисты бросались в атаку, но всякий раз откатывались назад, неся большие потери.

Потеряв Ступинскую, Погонялинскую и Курьяковские высоты, а также ряд других опорных пунктов, немцы все еще продолжали удерживать узел дорог с Невеля и Поречья на Великие Луки – в районе деревни Сеньково. Враг упорно оборонял этот стратегически важный узел. Понимая, что с потерей Сеньково исчезнет последняя надежда восстановить утраченные позиции, враг сопротивлялся отчаянно. Ночью наши внезапной атакой сумели захватить деревню. Фашисты, прекрасно сознавая, что для них это будет серьезным поражением, стремились вернуть этот пункт. Утром они бросили подразделения СС. Это была психическая атака. Пьяные эсэсовцы шли на Сеньково по заснеженному полю рядами в полный рост. Но никто из красноармейцев не дрогнул. Только раздавались насмешливые возгласы: «Всыплем психам...». Подпустив фашистов на близкое расстояние, стрелки и пулеметчики открыли огонь. Три атаки следовали одна за другой и все были отбиты. Враг оставил на поле боя много убитых.

Однако враг не смирился. От разведки была получена информация, что из Невеля и района станции Опухлиki фашистское командование намеревается перебросить в район юго-западнее Поречья свежие крупные резервы, главным образом, 291-ю пехотную моторизованную дивизию и несколько отдельных батальонов. Задачу по ее разгрому командование 3-й Ударной армии поставило перед 28-й стрелковой дивизией и переданным

на помощь собственным резервным 235-м стрелковым полком, усиленным 56-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом, первым дивизионом 112-го артиллерийского полка и двумя танковыми батальонами 184-й танковой бригады. На случай удара 20-й мотодивизии противника была привлечена 21-я Гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника Д. В. Михайлова при поддержке 699-го истребительно-противотанкового полка. (За успешные действия гвардейцев ее командиру 27 ноября было присвоено звание генерал-майора). На эту дивизию возлагалось обеспечение стыка между ней, 46-й Гвардейской и 28-й стрелковой дивизиями.

Поздно ночью, 27 ноября в штаб 28-й стрелковой дивизии прибыл генерал К. Н. Галицкий вместе с членом Военного совета армии бригадным комиссаром А. И. Литвиновым, чтобы рассмотреть и утвердить план по разгрому врага в районе юго-западнее Поречья. К этому времени у полковника С. Н. Князькова уже собирались командиры 21-й Гвардейской стрелковой дивизии Д. В. Михайлов, подполковник 184-й танковой бригады С. А. Севастьянов и 235-й – подполковник И. И. Сошенко. Вместе с подполковником Г. Г. Семеновым, офицером оперативного отдела штаба армии, они уже разрабатывали план боя по разгрому противника.

Командир 28-й стрелковой дивизии С. Н. Князьков внес такое предложение: на рассвете 28 ноября скрытно выдвинуть в район юго-восточнее Полибино 235-й стрелковый полк при поддержке танкового батальона, усиленных 699-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком. Главная цель – перехватить дорогу Невель – Полибино на стыке 28-й и 21-й Гвардейской стрелковых дивизий и нанести сокрушительный удар по вражеским колоннам, не допустив их продвижения к Великим Лукам. И одновременно главные силы 184-й танковой бригады совместно с учебным батальоном 28-й стрелковой дивизии должны были выйти в район южнее Полибино, чтобы разгромить части противника, выдвигавшиеся в северо-западном направлении. Встречный удар с северо-востока должны были нанести части 21-й Гвардейской стрелковой дивизии. Возражений или других

мнений не было. И такой план операции утвердил командующий армией К. Н. Галицкий, а все детали взаимодействия в предстоящем бою благодаря четкому его представлению С. А. Князьковым удалось проработать также довольно быстро. Для отдыха оставалось совсем немного времени...

...Разведке удалось установить, что в обороне противника южнее поселка Поречье есть пятикилометровый разрыв, откуда вражеские подразделения были переброшены к северу. Этим и воспользовался 235-й стрелковый полк и учебный батальон 28-й стрелковой дивизии. Совместно с истребительно-противотанковым полком и двумя батальонами 184-й танковой бригады они незаметно сумели в ночь на 28 ноября выйти в указанные им по плану районы. С ходу они совершенно внезапно атаковали на шоссе совершившую марш колонну 506-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии. Танковый батальон капитана Н. В. Янчаленко на предельной скорости врезался в колонны противника, которые только начали развертываться в боевые порядки. Впереди шли танки командиров рот старшего лейтенанта А. М. Якушева и лейтенанта М. А. Максимова, которые орудийно-пулеметным огнем и гусеницами уничтожали врага. Авanguardный немецкий полк в панике отступал, неся значительный урон: на шоссе и обочинах валялось множество убитых солдат и офицеров, десятки автомашин, повозок и разбитых орудий.

Пока отступивший враг приводил в порядок свои силы в ожидании подхода основных сил дивизии, подразделения 235-го полка и учебного батальона 28-й дивизии, артиллеристы и танкисты закреплялись на своих рубежах, перекрыв шоссе Невель – Великие Луки.

Утром 29 ноября противник вновь начал крупными силами прорываться на северо-восток. Ожесточенные, упорные бои с превосходящими силами противника продолжались четверо суток. Врагу удалось оттеснить 235-й стрелковый полк от шоссе к востоку, но двигаться дальше вперед на помощь к осажденному в Великих Луках гарнизону фашистам не удалось. А подразделения 28-й стрелковой и 21-й Гвардейской стрелковых дивизий достиг-

ли поставленной цели: не только задержали 291-ю пехотную дивизию, но и нанесли ей до подхода к линии фронта серьезные потери. В этих боях было уничтожено до двух тысяч солдат и офицеров противника, более двадцати орудий, десятки минометов, большое количество стрелкового оружия. Задержав главные силы 291-й пехотной дивизии, наши части сорвали тем самым и контратаки вышедшего ранее к линии фронта 505-го пехотного полка этой дивизии, чьи удары сумел отразить 88-й стрелковый полк И. С. Лихобабина.

Разгром 506-го пехотного полка противника позволил 184-й танковой бригаде совместно с учебным батальоном 28-й стрелковой дивизии нанести удар во фланг и тыл вражеской группировке, оборонявшейся севернее Поречья. А для усиления действовавшего против нее 144-го стрелкового полка 28-й дивизии командующий армией генерал К. Н. Галицкий направил резервную 45-ю лыжную бригаду под командованием полковника А. И. Серебрякова. Используя лесистую местность, передвигаясь небольшими группами, указанные подразделения, продвигаясь вперед, вышли в район, расположенный в семи-восьми километрах западнее Поречья и создали угрозу окружения всей пореченской группировке общей численностью до трех пехотных полков. В этот же район командование перебрасывает и 235-й стрелковый полк, выполнивший свою прежнюю задачу.

И все же полностью завершить окружение и затем разгромить довольно-таки сильную пореченскую группировку, зажатую с трех сторон, не удалось. Противник пусть с некоторым опозданием, но подвел в район Поречья главные силы 291-й пехотной дивизии и переброшенный из Невеля полк 20-й моторизованной дивизии. В результате опять превосходство в живой силе и технике перешло к врагу. Нашим частям пришлось переходить к активной обороне. Однако 21-я Гвардейская стрелковая дивизия, наступавшая с севера навстречу левофланговым частям 28-й стрелковой дивизии и 45-й лыжной бригаде, выбила гитлеровцев из лесного массива в 12-15 километрах северо-западнее Поречья. Попытка противника нанести сокрушительный контрудар по левому флангу ударной группировки войск армии была сорвана.

144-й полк 28-й стрелковой дивизии, преследуя буквально по пятам противника, вошел в село Поречье. Бывший командир 2-й стрелковой роты В. А. Овчинников так рассказывал в своих воспоминаниях об этом. «Наш стрелковый полк под командованием Н. С. Попова ворвался в село Поречье, где мы обнаружили, что немцы покинули свою оборону, старательно и с сюрпризами заминировав населенный пункт. Во многих домах на видных местах были разбросаны различные предметы: наручные часы, губные гармошки, складные ножи, пистолеты и другие тщательно заминированные предметы. В блиндажах мины были заложены в дымоходах печей...»

Тактическое положение гитлеровцев все ухудшалось. 291-я пехотная дивизия и полк 20-й моторизованной дивизии врага понесли значительные потери. Враг уже окончательно потерял всякие шансы использовать кратчайшее направление Поречье – Великие Луки для контрудара. А подразделения 28-й стрелковой дивизии продолжали гнать врага, продвинувшись на десятки километров и освободив в декабре полностью весь порченский район. Успешное выполнение всей этой операции в районе Пореченско-Ступинского узла сопротивления стало возможным прежде всего благодаря полководческому таланту командира 28-й стрелковой дивизии полковника С. А. Князькова, решительным и смелым действиям 21-й Гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Д. В. Михайлова, грамотному управлению войсками, умелой организации разведки, четкому и слаженному взаимодействию танков, артиллерии и пехоты.

Своими успешными боевыми действиями 28-я стрелковая дивизия вместе с другими дивизиями 3-й Ударной армии не позволили гитлеровским частям прийти на помощь к окруженному в Великих Луках гарнизону. 17 января 1943 года древний русский город был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Великолукская наступательная операция имела большое военно-стратегическое и политическое значение: она завершалась одновременно с триумфальной победой наших армий в Сталинградской битве на Волге. Войска 3-й Ударной армии сковали до

десяти пехотных дивизий, вынудив гитлеровское командование усилить действовавшие на великолукском направлении части шестью дивизиями. Это не позволило перебросить свежие дивизии на Волгу.

Воины самой левофланговой 28-й стрелковой дивизии полковника С. А. Князькова беспощадно громили врага и, овладев Марьиновским узлом сопротивления, успешно отражали вражеские атаки, прочно удерживая занимаемые рубежи. За эти бои дивизия получила благодарность Верховного Главнокомандующего, а 112-й артиллерийский полк награжден орденом Красного Знамени. Сотни воинов дивизии были представлены к наградам, а комдив С. А. Князьков награжден орденом Красного Знамени и ему было присвоено звание генерал-майора.

Весной войска Калининского фронта перешли к обороне. 28-я стрелковая дивизия закрепилась на восточном берегу Ловатьи и держала в постоянном напряжении врага. Но и укрепляя

оборону в инженерном отношении, части дивизии производили и наступательные бои в целях улучшения своих позиций.

13 марта 1943 года генерал-майор С. А. Князьков получает новое назначение – он становится заместителем командующего 3-й Ударной армии, а командование дивизией принимает полковник М. Ф. Букштынович. Дивизия получает приказ: овладеть сильно укрепленным опорным пунктом врага в населенном пункте Бекезы. 144-й полк в ожесточенном бою 24 мая овладел Бекезами, но удержать его не удалось. Че-

М. Ф. Букштынович

рез некоторое время в бой вступил батальон 88-го полка (командир батальона Б. Д. Васильев, заместитель по политчасти И. Д. Чистилин). Поддерживала наступление батальона полковая минометная батарея капитана П. А. Колтакова. Врага удалось потеснить, но гитлеровцы все же удержали плацдарм. Командование не приняло надлежащих мер для закрепления населенного пункта для того, чтобы отразить контратаки врага. Тогда штабом армии была разработана следующая операция. Восточнее деревни Клевники, в лесу, где Ловать резко поворачивала на восток и имела самое узкое место, саперный батальон совместно с воинами 3-го батальона под командованием майора А. С. Писарева и минометной батареей 88-го полка соорудили запруду высотой около трех метров. Начался подъем воды, которая затопила траншеи и оборонительные сооружения врага на западном берегу Ловатьи. Гитлеровцам пришлось в срочном порядке отступать и в спешном порядке строить новые оборонительные позиции.

К осени 1943 года началась подготовка к боям за Святую гору (позднее названную Красной горой) в районе мощного укрепленного пункта Бараново. Штаб 28-й дивизии разработал план предстоящей атаки, одобренный командующим армией генерал-лейтенантом К. Г. Галицким, который предстояло выполнять командиру 235-го стрелкового полка подполковнику А. Ф. Шабровому.

12 сентября все подразделения, выделенные для атаки, вышли в район сосредоточения. На следующее утро немцы обнаружили нашу пехоту, выдвинувшуюся на передний край, и открыли сильный пулеметный огонь. Наши артиллеристы ответили сильным огнем по опорным пунктам противника. Танки с десантом пехоты пошли на штурм Святой Горы. Очень быстро десант пехоты ворвался в траншеи врага, где завязался рукопашный бой. Умело руководил боевыми действиями и командир 3-го батальона 235-го полка капитан И. Г. Абанышин, награжденный орденом Красного Знамени.

Опорные пункты и высота Святая Гора были очищены от противника, который не желал с этим мириться, предпринимая яро-

стные контратаки и вклиниваясь в наши оборонительные порядки. Во время одной из них и погиб комбат Игнат Григорьевич Абашьян (награжденный орденом Отечественной войны посмертно).

В ближайшие сутки немцы навели понтонную переправу через водную преграду перед высотой и перебрасывали свежие резервы. Артиллерийско-минометный огонь по переправе не допустил противника к высоте. К исходу 14 сентября враг, потеряв около двухсот своих солдат и офицеров, прекратил контратаки и отступил...

Автор книги «Память в запас не уходит» И. А. Межин, описывая в подробностях этот бой, отметил, что за свои действия по отражению атак противника и корректировку артогня, и он получил свою первую награду – орден Красного Знамени. И в целом личный состав дивизии в этом бою проявил массовый геройизм и мужество, за что Военный совет армии наградил орденами и медалями 201 солдата и офицера 28-й стрелковой дивизии.

К концу сентября 1943 года были освобождены многие населенные пункты Невельского района.

...В своей книге «Годы суровых испытаний (1941–1944)» К. Н. Галицкий писал: «Взятие Ступинской высоты на фоне всей операции было всего лишь небольшим тактическим эпизодом, но оно ярко показало характерные для всех наступавшей армии черты – мужество и геройство бойцов и командиров, хорошую боевую выучку подразделений».

Но это видение – «с высоты» командарма, мыслящего крупномасштабными, стратегическими понятиями. Нам же представляется взятие Ступинского бастиона по всему изложенному выше вовсе не «не небольшим тактическим эпизодом», а жестоким, кровопролитным боем. Из тысяч подобных ему и складывалась Великая Победа нашего народа над фашисткой Германией.

